

УДК 821.161.1.

Букина Г.Ю.

Московский государственный областной университет

МЕМУАРНАЯ ПРОЗА П.А. ВЯЗЕМСКОГО

G. Bukina

Moscow State Regional University

MEMOIR PROSE OF P. VYAZEMSKY

Аннотация. В статье рассматриваются особенности мемуарной прозы и спектр интересов П.А. Вяземского-мемуариста. Отрывочность воспоминаний – одна из характерных черт мемуаристики Вяземского – не мешает целостному представлению о московском и петербургском обществе первой половины XIX века. Воспоминания о «допожарной» Москве и москвичах занимают особое место в мемуарах поэта, прежняя столица противопоставляется Москве, отстроенной после пожара 1812 года. Мемуарную прозу можно считать жанровым стержнем всего творчества Вяземского.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, мемуары, Н.А.Карамзин, Москва, первая половина XIX века, свидетельства очевидцев.

Abstract. The features of memoir in prose and the spectrum of interests of Vyazemsky as a memoirist are considered in the article. Typical for Vyazemsky sketchy memoirs hold the holistic concept of Moscow and Petersburg society of the first half of the 19th century. Memoirs about Moscow and its residents of the 1800s take a special place in poet's memoirs, the former capital is opposed to Moscow which was rebuilt after the fire of 1812. It is possible to consider memoir in prose a genre core of all Vyazemsky's works.

Key words: Vyazemsky, memoirs, Karamzin, Moscow, first half of the 19th century, statements of contemporaries.

Мемуары во все времена были популярны, интересны, читаемы. Литература подобного рода довольно хорошо исследована филологами и историками. Однако, несмотря на пристальное внимание к мемуаристике со стороны самых различных специалистов и немалый опыт как в использовании, так и в изучении мемуаров, до сих пор нет научного определения этого жанра. Мемуаристика – понятие довольно широкое, специалисты по-разному определяют её границы. Самое приемлемое определение мемуаристики предложил А.Г. Тартаковский, говоря о мемуарах «как повествованиях о прошлом, основанных на личном опыте и собственной памяти автора» [5, с. 312]. Исследователь включает в группу мемуарных источников два вида родственных произведений: дневники и воспоминания. Аналогичная трактовка этого понятия дана и в справочнике под редакцией П.А. Зайончковского.

К мемуарной литературе исследователи относят записки людей о событиях прошлого, в которых они участвовали или которые наблюдали. К мемуарам принадлежат автобиографии, дневники, заметки, воспоминания.

В мемуаристике находят отражение переломные этапы развития личности. «Мемуарист записывает не то, что вспомнилось, но из того, что вспомнилось, выбирает то, что соотносится с его концепцией жизни и той конкретной личности, о которой он пишет» [3, с.11], – отмечает И. Подольская в статье «Николаевская эпоха в свидетельствах мемуаристов».

Для людей XVIII и отчасти начала XIX века мемуары – это прежде всего история, документальное свидетельство. Для человека второй половины XIX столетия, который повеству-

ет о событиях прошлого, мемуары – ещё и литературный жанр. У мемуаристов второй половины XIX века портретные характеристики значительно углубляются; более подробными становятся описания внешности человека, но главное, внешнее, конкретное соотносено с представлением о личности, её внутреннем мире. Факты, сообщаемые мемуаристом об исторических лицах, тоже избирательны. Это не обычный поток информации, а «тщательно отобранный материал, подчинённый общей, заранее поставленной задаче – показать необычность человека в самых обычных его проявлениях, “великое” в “малом”» [3, с. 12]. Мемуарист второй половины XIX столетия берётся за перо тогда, когда у него уже сложилась концепция человека, и повествование, безусловно, ей подчинено.

П.А. Вяземский не оставил мемуаров в общепринятом смысле этого понятия. Он не создал единого литературного труда, как, например, Д.И. Фонвизин («Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях») или А.И. Герцен («Былое и думы»). Однако его мемуарные очерки дают полное представление об ушедшей эпохе, рисуют самых ярких представителей политики и литературы первой половины XIX столетия, воссоздают облик Москвы начала века. До нас не дошло сведений, намеревался ли автор объединить разрозненные очерки в единое произведение, но и сохранившиеся фрагменты тоже можно назвать мемуарной литературой, так как они соединяют в себе все признаки мемуаристики – субъективность, ретроспективный взгляд и, конечно же, единую концепцию автора, выраженную в представлениях о событиях и героях прошлого.

По своим взглядам и убеждениям Вяземский середины XIX столетия – человек первой половины века, и особенно чётко это проявляется в его мемуаристике. Спектр интересов писателя вполне очевиден: «допожарная» Москва, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, Ф.В. Ростопчин, И.И. Дмитриев и многие другие представители русского об-

щества первой половины XIX столетия. Вяземский осознавал ценность исторических свидетельств, поэтому призывал всех писать мемуары. Свою жизнь и творчество поэт называл «разрозненными листками» – таковы и его мемуарные свидетельства, но в целом они воссоздают картины московского и петербургского общества первой половины XIX века.

Наибольшее внимание в своих мемуарных очерках Вяземский уделяет личности Н.М. Карамзина и людей, близких к нему. На протяжении своей долгой творческой жизни Вяземский не раз и в поэзии, и в прозе возвращается к имени Карамзина. Не стали исключением и мемуарные очерки «О письмах Карамзина» (1866), «Стихотворения Карамзина» (1866), «Заметка о записке Карамзина, представленной в 1820 году, Императору Александру I касательно освобождения крестьян» (1871), «Отметки при чтении исторического похвального слова Екатерине II, писанного Карамзиным» (1873). Небольшие заметки о Карамзине встречаются в статьях о Ю.А. Нелединском-Мелецком, А.И. Вяземском, И.И. Дмитриеве – всех тех, кто был тесно связан с историографом многолетней дружбой. Так, личность И.И. Дмитриева раскрывается в сопоставлении баснописца и историографа. Многолетние друзья, Карамзин и Дмитриев, были абсолютно разными людьми в своих привычках, общении и повседневной жизни, но их сближали общие нравственные принципы. Эти люди, по замечанию Вяземского, дополняли друг друга.

Особые отношения сложились у Карамзина с семьей Вяземских. На молодого Петра Андреевича Вяземского Карамзин оказал огромное влияние. Его литературный и нравственный авторитет был для молодого князя непререкаемым, поэтому не случайным является тот факт, что опекуном П.А. Вяземского после смерти отца становится именно Карамзин. Их связывали многолетние дружеские отношения. Карамзин навсегда остался для П.А. Вяземского идеалом человека и гражданина, хотя во многих воп-

росах политического характера их мнения расходились.

Поводом к написанию статьи «О письмах Карамзина» (1866) стал столетний юбилей со дня рождения историографа и выход в свет записок И.И. Дмитриева и писем к нему Карамзина. «Загробный голос из другого мира» [2, с. 133] всколыхнул в памяти Вяземского события прошлого. Дмитриев был близким другом Карамзина, знавшим его с детства. По мнению Вяземского, «один Дмитриев мог бы быть его полным биографом». Поэтому эти два имени переплетаются в памяти писателя и воспоминания об одном неизменно влекут воспоминания о другом.

Воспоминания Вяземского о Карамзине многоаспектны: перед нами предстает поэт, историограф, государственный деятель, придворный, обычный человек. Каждый очерк о нём – отдельная сторона личности, но в результате читатель видит неординарного представителя русского общества: порядочного, честного, неподкупного, не ищущего наград при дворе, обеспокоенного будущим страны, примерного семьянина. Обо всех остальных, о ком Вяземский посчитал нужным оставить воспоминания, автор пишет сдержанно, но объективно. Например, рассказывая об И.И. Дмитриеве, Вяземский, для полноты картины, посчитал нужным упомянуть о вспыльчивом нраве баснописца, приводящем порой к рукоприкладству в отношении дворовых.

Свои мемуарные очерки Вяземский основывает на дневниковых записях, заметках, набросанных много лет назад, добавляет свидетельства других очевидцев событий. Но основным источником становятся письма. Если записки, мемуары – «это обдуманное воссоздание жизни», то «письма – это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам её» (VII, 135). Письма Карамзина (как и всех, о ком писал Вяземский) – это отражение личности, в них «высшее место принадлежит человеку». Познать истинного Карамзина можно только по его письмам, в которых, «как в чистом и верном зеркале»,

писатель «изображается во всей своей ясности» (VII, 137).

Рассказывая об отношениях Александра I и историографа, Вяземский переосмысливает личность и деятельность императора. В молодые годы поэт считал, что император не оправдал надежд прогрессивно настроенного молодого поколения, к которому поэт и сам принадлежал. Реформы Александра I не были последовательными и завершёнными, и Вяземский в переписке и частных разговорах открыто критиковал за это правительство. На склоне лет, анализируя события прошлого, Вяземский встаёт на позиции Карамзина, считавшего кардинальные реформы ненужными и губительными для России.

В 1860–1870-е годы, когда Вяземский активно занимается мемуаристикой, Карамзина, Дмитриева «забыли». Если в начале века Карамзин был непререкаемым авторитетом, то спустя полвека его творчество начинает подвергаться критике. И Вяземский в своих очерках встаёт на защиту историографа. Но отстаивает он не только Карамзина, в его лице Вяземский защищает всех представителей «золотого века» русской литературы, к которому принадлежал и сам. Говоря о современной ему реальности, то есть о 1860-х годах, автор отмечает, что именно «нетерпимость есть одно из отличительных свойств нашего времени» (VII, 165). Современная молодёжь не понимает и не принимает самобытности, оригинальности. Всё, что резко выделяется, бросается в глаза, считает Вяземский, «портит для нас всю картину». И, бросая взгляд в прошлое, замечает: «В этом отношении наше старое поколение уживчивее и богаче настоящего. Мы отдаём справедливость и новому, когда оно хорошо, <...> мы любим настоящее, но без идолопоклонства; веруем в будущее, но без самонадеянья; с любовью помним и старое <...>» (VII, 165). Однако эти слова противоречат натуре самого поэта. Вяземский не принял литературы середины XIX века, не понял творчества Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова и других, как не приняли эти писатели Вяземского.

Воспоминания Вяземского касаются не только литературных деятелей, но и близких друзей, каким был, например, А.Я. Булгаков. В мемуарном наследии писателя есть очерки о многих представителях первой половины XIX века: князе В.А. Долгорукове, графе А.А. Бобринском, Ф.В. Ростопчине. Эти очерки являются своеобразной посмертной данью памяти достойным людям. Все они принадлежали «к малому числу избранных, которые умели снискать и заслужить любовь и уважение всех знавших» их. Этим людей объединяло то, что «всеми помышлениями и внутренними силами своими» они принадлежали обществу, «болели, радели о пользе общественной»; принимали «живое, тёплое, даже пламенное, участие в общественных вопросах» (VII, 216), жили «открытым домом» и были либералами «в лучшем и возвышенном значении этого слова» (VII, 219). Целью данных очерков не было дать полную характеристику того или иного деятеля или собрать биографические материалы для будущего историка. В них выражаются собственные чувства автора и впечатления от общения с неординарными представителями тогдашнего общества. Вяземский лишь хотел «обрисовать» личность и указать на те стороны характера, которые давали этим людям право на любовь и уважение современников, а следовательно, и потомков. Очерки построены на эмоциональном восприятии автором известий о смерти того или иного представителя уходящей эпохи и ограничиваются «некоторыми беглыми воспоминаниями и впечатлениями, глубоко запавшими в сердце» (VII, 215) Вяземского.

Мемуаристика Вяземского – это не только воспоминания о людях, с которыми свела поэта жизнь, это желание донести до потомков утраченный образ Москвы рубежа XVIII–XIX веков и её обитателей.

Москва была любимым городом поэта, городом его детства и юности – самых счастливых лет, поэтому облик первопрестольной начала XIX века занимает особое место в воспоминаниях Вяземского. Родительский

дом в Малом Знаменском переулке видел многих выдающихся людей той эпохи. Здесь обсуждались перемены, задумываемые правительством, поэты читали свои новые стихи. «Родительский дом был одним из гостеприимнейших. Гости его принадлежали <...> к разряду людей образованных <...>, разговора дельного, просвещённого и приятного» (I, XXVII), – вспоминал позднее П.А. Вяземский.

1812 год для Вяземского – некая веха в истории не только Москвы, но и всей страны. Поэту казалось, что с падением древней столицы для России рухнуло все: «О Москве и говорить нечего. Сердце кровью обливается... Каждое утро мне кажется, что я впервой узнаю об горестной её участи» [1, с. 79], – писал он другу Д.П. Северину. В ещё одном письме, из Вологды, куда Вяземский уехал с семьёй, читаем: «Все чувства, кроме чувства дружбы и привязанности к ближним и к вам, любезные друзья мои! – умерли в душе моей... Все способности разума теряются, сердце замирает, вспоминая о Москве» [1, с. 79]. После войны город быстро отстраивался, но это была новая Москва, и всю жизнь поэт будет тосковать о «старой», сгоревшей Москве: «Иногда мне кажется, что виденное мною было только игрой и обманом сновидения или что за тридцать веков и тридцатью царстве жил я когда-то и где-то и ныне перенесён в совершенно другой мир» (II, 394).

Допожарная Москва – целый мир понятий и литературно-исторических представлений. Это Москва усадебная, город дворянского благополучия и силы. Удивительное переплетение старого и нового, древнерусской традиции и европейского просвещения создают неповторимый тип москвича.

«В истории и преданиях у Москвы сложилась самобытная, в чём-то парадоксальная репутация: это вечный, живой и светлый символ русской широты, сметливого ума, щедрой душевности и хлебосольства и вместе с тем исконное гнездо духовной оппозиции, врождённого консерватизма, протеста, народного недовольства и недоверия к лю-

бым властям, смелого ропота против любого официального утеснения, чуждых правил и непривычных традиций, город изначально мятежный и беспокойный» [4, с. 111], – пишет В.И. Сахаров о Москве начала XIX века. С такой оценкой первопрестольной можно только отчасти согласиться. Но Москва 1820-х годов для Вяземского – центр политической, общественной и литературной жизни.

В марте 1830 года Вяземский поступает на службу и переезжает в Петербург. В последующие десятилетия он лишь изредка наезжал в Москву. В конце 1850 года поэт с семьей возвращается в древнюю столицу, где в его честь даётся торжественный обед, на котором 58-летний поэт скажет: «Я родом и сердцем москвич, в ней протекло лучшее время моей жизни, моя молодость и мои зрелые лета. Когда судьба и обстоятельства разлучили меня с Москвой, и далеко от вас не переставал я принадлежать вам моим сердцем, моими преданиями, моими сочувствиями. <...> Я старый москвич, и вы во мне видите и приветствуете один из уцелевших обломков старой, т. е. допожарной Москвы» (II, 410).

Рассказывая в своих очерках о московском быте начала XIX века, жителей, общественных настроениях, Вяземский подводит читателя к выводу о том, что «старая Москва несколько не могла быть признана за провинциальный и заштатный город, особенно до 1812 года» (VII, 88). Новую, послевоенную Москву поэт противопоставляет Москве «старой», «допожарной». Возродившийся город стал другим: быстро отстроившаяся Москва превратилась в провинцию, исчезло то, что «придавало ей особенный характер и особенную физиономию»; всё, что «составляло душу её, безвозвратно исчезло в пожаре» (VII, 88).

Вяземский на протяжении всей своей жизни испытывал тоску по далеким временам, по старой Москве, по тому обществу, которое «1812 год временно рассеял из Москвы, и оно после на старом пепелище своём никак не могло возродиться на прежний лад»

(II, 393). Многие, как Ю.А. Нелединский-Мелецкий, не захотели вернуться в «опозоренную» Москву: переехали в Петербург или в деревню; другие покинули этот мир; третьи, как Вяземский и Карамзин возвратились в опустошенную Москву, в которой царили уже «другие требования, другие обычаи», и навсегда сохранили в памяти образ любимого города.

В произведениях Вяземского первопрестольная предстает городом, принципиально отличным от Петербурга. Начиная с ранних заметок и заканчивая поздними мемуарными очерками, автор отдаёт предпочтение старой Москве. Прожив долго в Петербурге, много путешествуя за границей, Вяземский сохранил привязанность к городу, в котором родился, где прошло «лучшее время жизни». Для него навсегда осталась идеальной Москва, исчезнувшая в огне 1812 года.

Мемуаристика Вяземского связана с установкой на бытописательную миниатюру, зарисовку нравов, анекдот. Исследователь мемуарного наследия Вяземского З.Р. Сутаева говорит о том, что пример поэта показывает, как жанр мемуаров активно вбирает в себя достижения художественной литературы. Можно согласиться с мнением З.Р. Сутаевой о том, что мемуары – своеобразный жанровый стержень всего творчества Вяземского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондаренко В.В. Вяземский. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 677с.
2. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. – СПб., 1878 – 1896. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
3. Подольская И. Николаевская эпоха в свидетельствах мемуаристов// Русские мемуары. 1826 – 1856. – М.: Правда, 1990. – С. 5–20.
4. Сахаров В.И. Питомники московской духовности (О литературных кружках и салонах столицы) // Москва в русской и мировой литературе. М.: Наследие, 2000. – С. 111–116.
5. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. – М.: Наука, 1980. – 312 с.